

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

MONGOLICA

Санкт-Петербургский журнал монголоведных исследований

Том XXII, 2019, № 1

Выходит 2 раза в год

Издается с 1986 г.

Учредитель: Федеральное государственное учреждение науки
«Институт восточных рукописей РАН»

**Посвящается 120-летию со дня рождения монголоведа
Л. С. Пучковского**

191186, Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., 18
Тел.: (812) 315-87-28
orientalstudies.ru
mongolica@orientalstudies.ru

Редакционная коллегия:

- И. В. Кульганек, *главный редактор,*
доктор филологических наук (Россия)
Д. А. Носов, *секретарь,*
кандидат филологических наук (Россия)
Г. Билгуудэй, *доктор филологических наук (Монголия)*
А. Биргалан, *доктор наук (Венгрия)*
Ж. Легран, *доктор наук, профессор (Франция)*
В. Капишовска, *доктор наук (Чешская Республика)*
С. Л. Невелева, *доктор филологических наук (Россия)*
К. В. Орлова, *доктор исторических наук (Россия)*
М. П. Петрова, *кандидат филологических наук (Россия)*
Р. Поц, *доктор наук (Румыния)*
Л. Г. Скородумова, *доктор филологических наук (Россия)*
Т. Д. Скрынникова, *доктор исторических наук,*
профессор (Россия)
С. Чулуун, *доктор исторических наук,*
профессор (Монголия)
Н. Хишигт, *кандидат исторических наук (Монголия)*
Н. С. Яхонтова, *кандидат филологических наук (Россия)*

Оригинал-макет изготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»
Литературный редактор и корректор — Т. Г. Бугакова
Технический редактор — Г. В. Тихомирова

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я № 2
e-mail: pvcentre@mail.ru; web-site: <http://www.pvost.org>

Формат 60x90 1/8. Объем 13¹/₄ печ. л. Заказ №
Отпечатано в типографии ООО «Свое издательство»
Санкт-Петербург, 4-я линия В. О., д. 5 e-mail: editor@isvoe.ru

Л. В. Курас, И. С. Цыремпилова

**Религия как публичное пространство политики.
Размышления историографов по поводу монографии Орловой К. В.
«Христианизация калмыков в контексте внутренней
и внешней политики России (середина XVII — начало XX в.)»
М.: ИВ РАН, 2018. 400 с.¹**

DOI 10.25882/q7qr-q009; © Л. В. Курас, И. С. Цыремпилова, 2019

Основой для историографических размышлений авторов статьи стала монография известного ученого-религиоведа К. В. Орловой, посвященная проблеме христианизации калмыков. Заслуга автора заключается в том, что деятельность Русской православной церкви (РПЦ) в исследовании неотделима от внутренней и внешней политики Российской империи. Более того, она является проводником и идеологом в осуществлении инкорпорации калмыков в публичное пространство политики.

Одновременно с анализом монографии авторы рассматривают состояние современной историографии проблемы миссионерства РПЦ в отношении монгольских народов, предполагая возможность продолжения исследования.

Ключевые слова: Российская империя, религия, христианизация калмыков, Русская православная церковь, православная миссия, монгольские народы, социокультурная интеграция.

В течение своей двухтысячелетней истории христианство являлось мощным фактором развития человеческого общества и государств, оказывая влияние и воздействие на их общественную, культурную и политическую жизнь. Что касается непосредственной деятельности Русской православной церкви (РПЦ), то она, по справедливому мнению А. И. Овчаровой, «на протяжении всего времени ее существования заключалась в следовании государственному „фарватеру“» [Овчарова, 2014. С. 93]. То есть христианство изначально не было частным делом человека, а превратилось в публичное пространство политики [Мчедлова, 2011; Шабунин, 2013]. При этом институционализированные религиозные организации, главной задачей которых было пастырское служение, не только не отдаляются от институтов власти, но и играют все более значительную роль в мировом политическом процессе как субъекты политического целеполагания. Поэтому политизация религии и включение религиозных организаций в политику требует отхода от традиционных рамок рассмотрения соотношения религии и общества, рели-

гии и политики, определявшихся долгое время политическими императивами теорий секуляризации и модернизации. Сложившаяся модернизационная парадигма исследования воздействия религиозного фактора на общество и политику привела к тому, что постепенно религиозное мышление, практика и религиозные институты «утрачивают свое значение, перестают удовлетворять эпистемологическим запросам современности и параметрам реальной жизни» [Панарин, 2006. С. 16]. Исходя из обозначенного посыла, монография специалиста в области христианизации монгольских народов К. В. Орловой является актуальной не только в научном, но и в социальном аспекте и выступает логическим продолжением опубликованного ею в 2006 г. исследования [Орлова, 2006]. Свидетельством востребованности проблемы является неослабевающий интерес к вопросу христианизации калмыков в современной российской историографии [Горяев, 2018]. Принципиальность этого явления отмечается и автором монографии в части оценки христианизации советской и современной российской историографией [Там же. С. 31, 33–34].

Монография состоит из пяти глав (11 параграфов).

Первая глава — «Процесс вхождения калмыков в состав России и образование калмыцкого ханства» — является своеобразным историческим фоном, рас-

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания России (проект XII.187.1.4.«XII.191.1.2. Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии», номер госрегистрации — АААА-А17-117021310264-4).

крывающим особенности инкорпорации калмыков в Российское публичное пространство. С первых же строк исследователь знакомит читателя с двумя точками зрения по вопросу о происхождении калмыков, и каждая из них имеет и будет иметь в последующем своих адептов. Для нас же представляются наиболее важными три аспекта, на которых К. В. Орлова заостряет внимание. Во-первых, «история современных калмыков связана с историей монгольских народов Центральной Азии» и в то же время «калмыки — единственный народ монгольской расы, проживающий в Европе» [Орлова, 2018. С. 41]. Во-вторых, калмыки на территории России являются «пришлым народом», который «обрел место постоянного проживания» [Там же. С. 7]. При этом «их не завоевывали, как другие нерусские народы, когда развернулась активная политика присоединения регионов» [Там же. С. 61]. И наконец в-третьих, «в Россию калмыки пришли, достигнув определенного уровня социально-экономического развития общества, со своим буддийским мировоззрением» [Там же. С. 52]. Эти особенности как раз и предопределили складывание калмыцкой государственной автономии на территории России в форме ханства.

Возникновение особой формы государственности калмыков привело к тому, что калмыцкий этнос органично врос в систему имперской власти России. Этой проблеме посвящена вторая глава монографии — «Роль калмыцкого фактора во внешней и внутренней политике России», где первый параграф посвящен участию калмыков в военных операциях России против Речи Посполитой и ее союзника Крымского ханства, в Северной войне, в русско-турецких кампаниях и в усмирении бунтов поволжских народов. Все это положило начало «обязательной военной службе калмыков». Анализ участия калмыков во многих военных операциях, а также в усмирении татар и башкир, подавлении восстаний Степана Разина и Кондратия Булавина сделали калмыков «реальной военной силой в решении военно-политических проблем» [Там же. С. 80]. В этой связи представляется важным второй параграф главы «Ограничение политической самостоятельности Калмыцкого ханства как стратегическая задача государства». Исследователь подчеркивает, что Россия «тщательно отслеживала контакты тайшей с османским султаном, крымским ханом, сородичами из Джунгарии, с Китаем, т. е. с теми государствами и политическими силами, которые могли представлять угрозу геополитическим интересам России» [Там же. С. 81]. Это было обусловлено тем, что и Османская империя, и Крымское ханство «неоднократно предпринимали попытки привлечь калмыков на свою сторону» [Там же. С. 82]. И если сначала «отношения российской власти и калмыцких ханов... носили характер взаимных компромиссов», то после смерти хана Аюки «началось активное и прямое вмешательство российского правительства во внутренние дела ханства». При этом «избрание хана стало прерогативой

правительства, претендента сначала объявляли наместником, а затем уже ханом» [Там же. С. 85, 96, 88]. Устанавливался полный контроль за внешними связями ханства, калмыцкий суд Зарго получил право решать бракоразводные дела нойонов, а судьи могли закреплять пастбища за владельцами. Все это, по справедливому мнению исследователя, способствовало «полному подчинению калмыков общеимперскому управлению», а следовательно, возникли объективные условия для христианизации. В этой связи глава III — «Эволюция политики христианизации калмыков в период их вхождения в состав России» — логично встраивается в структуру монографии. Глава состоит из трех параграфов, в которых рассматривается начальный этап христианизации калмыков с середины XVII в., образование и деятельность первой православной миссии среди калмыков, а также основание поселений крещеных калмыков на территории Российской империи. Уже в первой строке главы К. В. Орлова указывает на сложность ситуации, которая проявлялась в том, что «на территорию России калмыки пришли буддистами» [Там же. С. 97]. Более того, к середине XVII в., когда «пребывание ойратов/калмыков на территории России получило легитимный статус, в их духовной жизни достаточно прочно закрепился своеобразный буддийско-шаманский комплекс идей и представлений» [Там же. С. 103–104]. Вместе с тем исследователь подчеркивает, что ко времени начала христианизации калмыков российское государство уже имело «более чем вековой опыт организации миссионерской работы, обращения в православие народов, вошедших в состав России». При этом «православие рассматривалось властью как средство „обрусения“ инородцев, их интеграции в единое социокультурное пространство, обеспечивающее единство и прочность государства» [Там же. С. 104]. Здесь хочется подчеркнуть, что этот аспект является основополагающим в современной православной историографии. В частности, профессор Православного Свято-Троицкого гуманитарного университета А. Б. Ефимов, говоря о миссионерской деятельности РПЦ, выделяет особую роль православия в становлении самосознания и формировании культуры русской нации, а также отмечает его влияние на развитие других народов и национальностей на территории Российского государства [Ефимов, 2007].

В параграфе подробно рассмотрены особенности и методы христианизации калмыков с середины XVII — начала XVIII в., которая, в отличие от христианизации народов Верхнего и Нижнего Поволжья, проводилась только на добровольной основе, что было «обусловлено военно-стратегическими соображениями» [Там же. С. 122]. Это было тем более важно, что представители иных конфессий также пытались обратить калмыков в свою веру [Там же. С. 120–121].

На наш взгляд, в параграфе было бы интересно сравнить результаты миссионерской деятельности в отношении калмыков и в отношении других монгольских народов, тем более что таким опытом располагала еще дореволюционная историография [Гурий, 1915]. Что касается научной базы для такого сравнения в отношении бурят [Шагжина, 2000] и монголов [Корниенко, 2018], то современная российская историография ею располагает.

Особый интерес представляет второй параграф, в котором рассматривается деятельность первой православной миссии среди калмыков. Исследователь совершенно обоснованно подчеркивает, что Российская империя в отличие от политики стихийного перехода в православие начинает осуществлять целенаправленную политику христианизации на территории Калмыцкого ханства, «цитадели» буддизма. По мнению властей, «закрепить калмыков на территории возможно лишь при условии их христианизации, изменения мировоззренческого и духовного мира» [Орлова, 2018. С. 122–123]. И эта задача была возложена на первую православную миссию, деятельность которой регламентировалась специальной инструкцией Св. Синода «О просвещении новокрещеных калмыков учением христианской веры» [Там же. С. 127–128].

К несомненным заслугам миссии автор монографии справедливо относит крещение представителей ханской семьи и его окружения [Там же. С. 124–125]. Важным аспектом деятельности миссии стал перевод христианской литературы на калмыцкий язык. На наш взгляд, здесь следует подчеркнуть, что это одно из важнейших направлений деятельности РПЦ в осуществлении христианизации монгольских народов. В этой связи мы обращаем особое внимание на тексты христианских проповедей о преимуществах христианства, книги православного содержания, которые издавались в XIX в. специально для бурят [Михайлова, 2013. С. 163].

Несомненно, важным аспектом христианизации стало открытие в Астрахани при Ивановском монастыре училища с целью обучения крещеных калмыцких детей русской грамоте [Там же. С. 133]. При этом исследователь не скрывает и факты напряженности и даже враждебного отношения к неофитам буддийских лам и некрещеных калмыков. Эта проблема стала основанием для создания специальных поселений крещеных калмыков на приграничных территориях России, что позволяло использовать их «в решении внутри- и внешнеполитических проблем, не обращаясь к хану» [Там же. С. 138]. Неслучайно в монографии этому вопросу посвящен специальный параграф. Так, К. В. Орлова подробно рассматривает феномен калмыцких поселений на Дону, в Чугуеве, на реке Терешке, в Ставрополе-на-Волге, на Тереке.

Для рецензентов представляется чрезвычайно важным тот факт, что в монографии проблема христианизации калмыков неотделима от системы госу-

дарственного строительства в России и определения места калмыков в системе государственного управления империи. Этому аспекту посвящена четвертая глава — «Калмыки в системе государственного управления Российской империи (последняя треть XVIII — начало XX в.)», состоящая из двух параграфов. В первом параграфе повествуется о массовом исходе калмыков в Джунгарию в 1771 г. Это событие и его последствия получили широкое освещение и оценку в современной российской историографии. К. В. Орлова называет комплекс причин, побудивших калмыков покинуть степи Нижнего Поволжья: политика ограничения, проводившаяся российским государством по отношению к калмыкам; сокращение пастбищных площадей в связи со строительством укрепрайонов и крепостей; колонизация Нижнего Поволжья; внутрикалмыцкие противоречия; массовый призыв калмыков на войну с Турцией; политика христианизации; разгром империей Цин Джунгарского ханства, в результате чего образовались пустующие земли; политика буддийского духовенства во главе с Далай-ламой, ратовавшего за возвращение калмыков на родину. Однако великий исход не дал желаемых результатов: надеждам на возрождение Джунгарского ханства не суждено было стать реальностью.

В русле заявленной темы представляет интерес судьба калмыков, оставшихся в России. Их трагической судьбе посвящена вторая часть параграфа: разрушилась целостность калмыцкого народа, калмыцкое ханство прекратило существование, резко упало поголовье скота, резко затормозилось развитие новых форм хозяйствования, податное население в своем большинстве осталось без владельца, и калмыков стали продавать и дарить «как обыкновенную движимую собственность» [Там же. С. 188–192]. Неслучайно оставшиеся, в том числе и крещеные, калмыки примкнули к восстанию Е. Пугачева. Все это привело к необходимости определения статуса оставшихся калмыков и организации управления ими. Этому вопросу автор посвятила второй параграф главы «Административные реформы после самоликвидации ханства и земельное устройство калмыков».

И все же основополагающим сегментом монографии стала пятая глава — «Христианизация калмыков как фактор их социокультурной интеграции в Российское общество (конец XVIII — начало XX в.)», состоящая из пяти параграфов.

Первый параграф посвящен возобновлению деятельности православной миссии на территории Калмыцкой степи. К. В. Орлова подчеркивает: необходимость этого шага обуславливалась тем, что правительство опасалось нового исхода калмыков. Кроме того, в условиях свертывания целенаправленной христианизации калмыков «в последние десятилетия XVIII в. имело место крещение тех, кого русские чиновники и помещики приобрели в собственность» [Там же. С. 212, 213]. В исследовании подчеркива-

ется, что сдерживающим фактором на пути христианизации калмыков стал буддизм и «сопротивление буддийского духовенства расширению православной миссии среди калмыков» [Михайлова, 2013. С. 215]; кочевой образ жизни, мешавший распространению православия [Там же. С. 223]; «невозможность для приходских священников вести проповедь в улусах, нехватка миссионеров, незнание теми и другими калмыцкого языка [Там же. С. 227]; боязнь остракизма и даже физической расправы со стороны некрещеных соплеменников [Орлова, 2018. С. 229]. В этой связи царское правительство принимает ряд мер по ограничению влияния калмыцкого духовенства и контролю за его деятельностью [Там же. С. 215–219]. При этом автор монографии вводит важную ремарку: правительство не пошло на крайние полицейские меры, имея реальную возможность расправиться с калмыцким духовенством [Там же. С. 221].

Важнейшим сюжетом монографии стал, на наш взгляд, вопрос о кадровой политике правительства и Св. Синода и, в частности, создание Казанской духовной академии как центра подготовки кадров для православного миссионерства. Особенно впечатляет тот факт, что «на отделении по монгольскому разряду преподавали историю и обличение ламайства, этнографию бурят, монголов, калмыков, тунгусов, корейцев и других народов; историю распространения христианства среди означенных народов; монгольский язык с его наречиями калмыцким и бурятским; общий филологический обзор языков и наречий». При этом К. В. Орлова подчеркивает, что «казанское востоковедное миссионерство сыграло значительную роль в осуществлении государственной политики христианизации и ассимиляции нерусских народов в государственную общественную систему» [Там же. С. 232–233]. Но особенно важным сюжетом стал материал о подготовке «миссионеров для утверждения в православии уже крещеных и обращения в него новых инородцев» [Там же. С. 233], ибо, по нашему разумению, фундамент успешного миссионерства — это прозелитизм [Игумен Серапион, 2017].

На наш взгляд, «востоковедное миссионерство» представляет собой особое явление в мировом востоковедении, на чем следовало акцентировать внимание читателя. И в этой связи полагаем необходимым сделать ремарку по поводу «казанского востоковедения», почерпнутую нами в исследовании Н. В. Карташевой: «Русские миссионеры стремились проникнуть во внутренний мир этнической культуры, изучали культурные традиции малых народов. Их лингвистические, этнографические, культурологические, географические исследования явились ценным вкладом не только в формирование теории и методологии миссионерства, но и в развитие мировой науки. Таким образом, наследие русских миссионеров в наши дни ценно и как значительный опыт межкультурного сотрудничества, и как досто-

верное свидетельство о традиционных культурах малых народов, являющихся альтернативой цивилизационному пути развития» [Карташева, 2000. С. 3]. Это в полной мере относится и к монгольским народам [Михайлова, 1997].

Мы намеренно воспользовались авторефератом Н. В. Карташевой, которая занимается изучением русского православного миссионерства как явления культуры на примере деятельности св. Иннокентия (Вениаминова). Именно св. Иннокентий, подчеркивается в монографии, стал, наряду с Н. И. Ильминским, автором программы новых методов и организационных форм христианизации [Там же. С. 243]. Через призму этих методов автор исследует вопрос христианизации астраханских калмыков во второй половине XIX в. Их суть, по справедливому мнению К. В. Орловой, выражается в том, чтобы «строить миссионерское дело по-новому», через «проведение систематической религиозно-просветительской работы и богослужений». Именно поэтому создавались «стационарные миссионерские станы» как «опорные пункты христианизации инородцев-кочевников» [Там же. С. 264]. Поэтому не случайно опыт создания таких станов в Улан-Эргэ, Ноин-Шире (Бислюрта), Чилгире и Яшкульского миссионерского пункта стал объектом специального исследования.

В качестве положительного аспекта монографии следует отметить и тот факт, что в исследовании имеется параграф «Влияние русской этнокультурной среды на религиозные ориентации и образ жизни калмыков за пределами Калмыцкой степи (Поволжье, Дон, Ставропольская губерния)». Речь идет об открытии школ, приютов, в том числе для девочек-калмычек [Там же. С. 296–298], классов калмыцкого языка в Донской духовной семинарии для подготовки миссионеров [Там же. С. 301], о привлечении калмыцких детей в церковноприходские школы [Там же. С. 302]. Несомненный интерес представляет предложенный атаманом войска Донского проект обращения калмыков в православие, чему должны были предшествовать перевод калмыков на оседлость, совместное обучение детей калмыков и русских и преподавание Закона Божия, приближение калмыцких кочевий к казачьим станицам. Это могло помочь «в восприятии православной веры, нравов, обычаев, жизненного уклада казаков». И только после этого, по мнению атамана, «можно приступать непосредственно к их христианизации» [Там же. С. 299].

Ситуация, связанная с процессом христианизации калмыков, меняется в начале XX в. Это было обусловлено либерализацией российского вероисповедального законодательства, в соответствии с которым «допускалось отпадение от православия в другие христианские исповедания и вероучения», а крещеные инородцы «могли возвращаться к религии предков» [Там же. С. 319]. Этой проблеме автор посвятила заключительный параграф монографии. В

исследовании приводится статистика перехода из православия в буддизм бурят и калмыков, увеличения численности калмыцкого духовенства [Михайлова, 1997 С. 320, 321]. К. В. Орлова особо указывает на поддержку калмыков и бурят со стороны крупного религиозного деятеля советника Далай-ламы XIII Агвана Доржиева, который, наряду с единоверцами из Монголии, Тибета и Бурятии, часто посещал приволжских калмыков [Там же. С. 322].

Особый интерес представляет материал, связанный с негативным отношением православного духовенства к либеральному законодательству, которое серьезно затрудняло миссионерскую деятельность. Так, со ссылкой на православные периодические издания, автор приводит лишь единичные случаи крещения калмыков [Орлова, 2018. С. 322–325]. Попытка РПЦ повлиять на ситуацию была предпринята на миссионерском съезде в Казани в июне 1910 г., где работа проходила по секциям, каждая из которых уделяла внимание одному вопросу: «ламайскому, церковно-миссионерскому, мусульманскому, языче-

скому, школьному, переводческому, административному» [Там же. С. 325]. В монографии подчеркивается, что участники съезда «резко оценивали реальное состояние миссионерской работы среди инородцев, в том числе и калмыков, ее во многом формальный характер; что Православной церкви не удалось завладеть умами и душами новых adeptов; что методы привлечения инородцев в начале XX в. оставались теми же, что и в XVIII–XIX вв.» [Там же. С. 328].

Последующие мировая война и революционные катаклизмы привели к тому, что РПЦ, как и другие конфессии, полностью утратила возможность ведения миссионерской деятельности, равно как и всякой иной, «выходящей за пределы церковной ограды» [Там же. С. 330].

В заключение хочется поздравить К. В. Орлову с блестяще выполненной работой и выразить надежду на продолжение исследования миссионерской деятельности РПЦ совместно с бурятскими и монгольскими учеными как в дореволюционный период, так и в новой истории Российского государства.

Использованная литература

- Горяев, 2018: *Горяев М. С.* История христианизации инородцев в российской историографии (на примере калмыков) // Вестник Калмыцкого ун-та. 2018. № 37 (1) (*Goryayev M. S. Istoriya khristianizatsii inorodtsev v rossiyskoy istoriografii (na primere kal-mykov) // Vestnik Kalmytskogo universiteta.* 2018. № 37 (1)).
- Гурий, 1915: *Гурий (Степанов)*. Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен. Казань, 1915. Т. 1, ч. 1 (*Guriy (Stepanov). Ocherki po istorii rasprostraneniya khristianstva sredi mongol'skikh plemen. Kazan', 1915. T. 1, ch. 1.*)
- Ефимов, 2007: *Ефимов А. Б.* Очерки по истории миссионерства Русской православной церкви. М., 2007 (*Yefimov A. B. Ocherki po istorii missionerstva Russkoy pravoslavnoy tserkvi. M., 2007.*)
- Игумен Серапион, 2017: *Игумен Серапион (А. Е. Митько)*. Миссионерство и прозелитизм // Научные ведомости. Сер. Философия. Социология. Право. 2017. № 10 (259). Вып. 40 (*Igumen Serapion (A. Ye. Mit'ko). Missionerstvo i prozelitizm // Nauchnyye vedomosti. Ser. Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo. 2017. № 10 (259). Vyp. 40.*)
- Карташева, 2000: *Карташева Н. В.* Русское православное миссионерство как явление культуры: на примере деятельности св. Иннокентия (Вениаминова): автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2000 (*Kartasheva N. V. Russkoye pravoslavnoye missionerstvo kak yavleniye kultury: na primere deyatel'nosti sv. Innokentiya (Veniaminova): avtoref. dis. ... kand. kul'turologii. M., 2000.*)
- Корниенко, 2018: *Корниенко Н. Н.* Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Монголии (вторая половина XIX в. — 2010-е гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2018 (*Korniyenko N. N. Missionerskaya deyatel'nost' Russkoy pravoslavnoy tserkvi v Mongolii (vtoraya polovina XIX v. — 2010-ye gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Ulan-Ude, 2018.*)
- Михайлова, 1997: *Михайлова В. Т.* Православие в духовной культуре бурят (1861–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 1997 (*Mikhaylova V. T. Pravoslaviye v dukhovnoy kul'ture buryat (1861–1917 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Ulan-Ude, 1997.*)
- Михайлова, 2013: *Михайлова В. Т.* Образы «чужих» в контексте христианизации // Теория и практика общественного развития. 2013. № 2 (*Mikhaylova V. T. Obrazy «chuzhikh» v kontekste khristianizatsii // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2013. № 2.*)
- Мчедлова, 2011: *Мчедлова М. М.* Место религии в социально-политическом процессе: цивилизационные основания и современные тенденции: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2011 (*Mchedlova M. M. Mesto religii v sotsial'no-politicheskom protsesse: tsivilizatsionnyye osnovaniya i sovremennyye tendentsii: avtoref. dis. ... d-ra polit. nauk. M., 2011.*)
- Овчарова, 2014: *Овчарова А. И.* Христианство как нравственный императив современного российского государства // Философия права. 2014. № 2 (63) (*Ovcharova A. I. Khristianstvo kak nravstvennyy imperativ sovremennoy rossiyskoy gosudarstva // Filosofiya prava. 2014. № 2 (63).*)
- Орлова, 2006: *Орлова К. В.* История христианизации калмыков: середина XVII — начало XX в. М., 2006 (*Orlova K. V. Istoriya khristianizatsii kalmykov: seredina XVII — nachalo XX v. M., 2006.*)
- Орлова, 2018: *Орлова К. В.* Христианизация калмыков в контексте внутренней и внешней политики России (середина XVII — начало XX в.). М., 2018 (*Orlova K. V. Khristianizatsiya kalmykov v kontekste vnutrenney i vneshney politiki Rossii (seredina XVII — nachalo XX v.). M., 2018.*)
- Панарин, 2006: *Панарин А. С.* Народ без элиты. М.: Алгоритм, 2006 (*Panarin A. S. Narod bez elity. M.: Algoritm, 2006.*)
- Шабунин, 2013: *Шабунин В. В.* Миссионерская деятельность Русской православной церкви в конце XIX — начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013

(*Shabunin V. V. Missionerskaya deyatel'nost' Russkoy pravoslavnoy tserkvi v kontse XIX — nachale XX v.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 2013).*

Шагжина, 2000: *Шагжина З. А. Миссионерская деятельность русской православной церкви в Забайкалье: 2-я*

половина XVII — начало XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2000 (*Shagzhina Z. A. Missionerskaya deyatel'nost' russkoy pravoslavnoy tserkvi v Zabaykal'ye: 2-ya polovina XVII — nachalo XX v.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Ulan-Ude, 2000).*

L. V. Kuras, I. S. Tsyrempilova

Religion as public space of politics. Thoughts of historiographers about the monograph «Christianization of the Kalmyks in the context of internal and external policy of Russia (middle of XVII — beginning XX c.)» by Orlova K. V. M., 2018

The basis of historiographical thoughts by the authors of the article have become the monograph of famous scientist and scholar of the religion Orlova K. V., which is dedicated to the problem of Christianization of the Kalmyks. The activity of the Russian Orthodox Church (the ROC) in the current research is inherent in internal and external policy of the Russian Empire is regarded to be the merit of the author. Moreover, the Russian Orthodox Church is considered a lead and ideologist in the process of incorporation of the Kalmyks in public space of politics.

Concurrently with analysis of the monograph the authors examine the situation with modern historiography of the problem of missionary work of the ROC for Mongolians, thereby supposing opportunity for further research.

Key words: the Russian Empire, religion, Christianization of the Kalmyks, the Russian Orthodox Church, Orthodox mission, Mongolian peoples, sociocultural integration.